
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Л. М. СМИРНОВ

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В МАССОВЫХ ОПРОСАХ

В работах культурологов и историков нередко можно встретить попытки охарактеризовать то или иное общество как регулируемое и цементируемое теми или иными ценностями, специфичными для той или иной цивилизации. Так, в социоестественной истории всегда большое значение придается тому, что Кульпин Э. С. назвал «системой базовых ценностей» цивилизации. Вначале для дальневосточной и западной цивилизаций он постарался выделить ту часть общественного бессознательного, что, согласно его историческому анализу, долгие годы обеспечивала духовную основу стабильности и устойчивости этих двух заметно отличных социальных систем. При этом он опирался на целостное представление об обществе в его взаимодействии с природой как единой социоприродной системе. То, что им было названо в ряде работ «системой базовых ценностей», выглядит как обеспечивший долговременное существование общества компромисс во взаимодействии природы и системы хозяйствования.

В недавних работах им были детализированы свои представления отдельно для китайской и японской цивилизаций, с уточнением специфики каждой, а также выдвинута гипотеза о «системе базовых ценностей» российской цивилизации (или суперэтноса) (2003).

Обычно базовые ценности рассматриваются именно как рационализация, как представленные в индивидуальном сознании или надындивидуально в системе культуры критерии, стандарты

желательного. Для сознания они конечные предпочтения, логически уже не выводимые из других. Всегда в случае систем ценностей, предлагаемых Кульпиным, встает вопрос о том, кто является носителем декларируемых им ценностей. Кто осознает их как свои – все население, элита? Или же это особое системное качество, присущее всему суперэтосу, но индивидуально не обязательно осознаваемое? В последних работах он склоняется к тому, что это проявление общественного бессознательного.

Можно ли как-то все это, восстановленное по ходу исторического анализа, сопоставить с тем выбором базовых ценностей, который фиксируется в ходе массовых опросов социологами, социальными психологами? Как система базовых ценностей цивилизации по Кульпину соотносится с индивидуальными предпочтениями, с распространенностью принятия (декларируемых) базовых ценностей с блоками, выявившимися в ходе поиска неосознаваемых оснований выделения кластеров?

Заметим, к примеру, что выраженное одним словом «государство», по терминологии Кульпина *ценность – объект*, имеет при опросах явно разное содержательное наполнение и не только в историческом плане, а и сегодня как в разных цивилизациях, так и в разных социально-демографических слоях одного суперэтоса. Естественно, одновременно присутствуют и какие-то общие всем смыслы. Скорее всего, повсеместно будет иметься в виду сильная государственная власть (вручаемая императору, царю, лидеру партии западной демократии, лидеру единственной партии). При этом обязанности государства (обычно как единицы выживания), ради исполнения которых подчиненные, граждане готовы добровольно поступиться частью своей свободы, в разных цивилизациях очень отличны.

Представление о групповом бессознательном как о реальном феномене родилось в рамках психоанализа в ходе психотерапевтической работы с группами. Так, согласно Фоуксу (Foulkes) существует общественное или межличностное бессознательное, которое предшествует возникновению индивидуального сознания. Такое бессознательное можно наблюдать и изучать детально в квази-лабораторной ситуации

аналитической группы (Foulkes *et al.* 1957: 41–42, 56; 1964: 52, 258, 296).

Всякий раз, когда два или больше индивидуумов оказываются вместе, обнаруживается область бессознательного, которую они совместно разделяют и о которой, по определению, они не ведают. Эта «область» названа «групповым бессознательным». Аналогично индивидуальному бессознательному это также вне пространства и вне времени. Из-за своей укорененности участники группы способны пережить предписываемые отдаленным прошлым, но возникающие здесь-и-теперь связи и соответствующие эмоции. Это возможно, поскольку филогенетически и онтогенетически общественное бессознательное предшествует индивидуальному сознанию, отсюда социальное бессознательное срабатывает и среди впервые встретившихся, и для новичков в группе. Участники аналитической группы имеют много общего и до того, как они встретятся. Это остается действительным независимо от того, какими бы разнородными ни были приведшие их в терапевтическую группу проблемы. Foulkes охарактеризовал это общее как «матрицу основания», базирующуюся в биологических свойствах вида, и также культурно твердо заложенные ценности и реакции.

Итак, можно ли сопоставить что-то собранное в массовых опросах с тем общественным бессознательным, которому следуют, но этого не осознают опрашиваемые? К тому же их чаще всего спрашивают перед выборами о признаваемых ими проблемах (а признаются те, что задевают базовые ценности), об отношении к существующей власти, к ее действиям и об ожиданиях от нее. При этом в самой предвыборной борьбе молчаливо обходятся наиболее волнующие людей проблемы, а взамен обсуждаются проблемы того круга, где и сложившаяся власть, и претенденты на власть чувствуют себя дееспособными, а исходя из собственных базовых ценностей, и эмоционально вовлеченными.

Это означает, что надо смотреть на ответы в опросах как на вербальные проекции неосознаваемого отношения людей ко всей системе. В случае России, с точки зрения Кульпина, это неразрывное сочетание государства (государственного

регулирования, порядка, социального согласия в его рамках), развития, служения, иерархии, знания.

В рамках работ и экспериментов по групповой психотерапии родился ряд важных понятий и были отмечены не менее важные закономерности, однако их авторы широко опирались на объяснительные схемы классического психоанализа, который в свое время К. Поппер справедливо упрекал в отсутствии возможности фальсифицируемости, иными словами – в ненаучности¹. Поэтому найденные знания не использовались в социальных науках. Первые описанные в литературе усилия по использованию при групповой терапии психоаналитической концепции связаны с именем *Trigant Burrow (1926)*. Основная идея его заключалась в том, что индивид невозможно рассматривать изолированно от связей с другими людьми, а потому индивидуальное (психоаналитическое) лечение приводит к такой степени изоляции, что отношения к группам знакомых людей и ко всему обществу начинают испытывать на себе вредоносное воздействие и даже могут разрушаться. Burrow так описывал групповой метод: «Это обширная схема анализа с тем преимуществом, что несмотря на то, что материал нашей общественной и коллективной жизни влечений остаётся таким же,

¹ Он пишет: «Рассматриваемые теории описывают некоторые факты, но делают это в виде мифа. Они содержат весьма интересные психологические предположения, однако выражают их в непроверяемой форме.

Вместе с тем я понимал, что такие мифы могут получить дальнейшее развитие и сделаться проверяемыми, что исторически все или почти все научные теории возникли из мифов и что миф может содержать важные предвосхищения научных теорий. В качестве примеров можно назвать теорию эволюции путем проб и ошибок Эмпедокла или миф Парменида о неизменном, застывшем универсуме, в котором ничего не происходит и который, если добавить еще одно измерение, становится застывшим универсумом Эйнштейна (в котором также ничего не происходит, так как с точки зрения четырехмерности все детерминировано и предопределено изначально). Поэтому я чувствовал, что, если некоторая теория оказывается ненаучной, или «метафизической» (как мы могли бы сказать), из этого вовсе не следует, что она не важна, не имеет никакого значения, является «бессмысленной» или «абсурдной». Однако она не может претендовать на поддержку со стороны эмпирических свидетельств в научном отношении, хотя вполне может оказаться «результатом наблюдений» в некотором генетическом смысле.

Существует громадное количество других теорий этого донаучного или псевдонаучного характера: например, расистская интерпретация истории – еще одна из тех впечатляющих и всеобъясняющих теорий, которые действуют на слабые умы подобно откровению» (1983: 248).

как и был прежде, в лечебной группе начинают систематично анализироваться как межличностные, так и персональные замещающие образования и вытеснения, которые воплощаются внутри смешанных коллективов или псевдогрупп в качестве заместителя общего социального организма». Виргоу открыл, что материал, вербализируемый на сеансах индивидуального психоанализа, например сексуальные фантазии или семейные конфликты, всплывает в дискуссиях в группах даже в большем объёме. А кроме того, Виргоу обнаружил в группе проявление невроза переноса и механизмов защиты, а также другие хорошо знакомые в обычном психоанализе феномены.

Виргоу считал, что главная ценность группового метода заключается в том, что он позволяет понизить сопротивление пациента по отношению к лечебному процессу. Когда пациент начинает понимать, что его проблема не такая уж и уникальная, тогда его потребность утаивания и изоляции значительно уменьшается. Такое освобождающее переживание помогает ослабить сопротивление пациента. Виргоу также подчёркивал значение непосредственно сейчас появляющегося материала и, соответственно, гораздо меньше ценил реминисценции (воспоминания на кушетке). То есть он тем самым занимал далеко не ортодоксальную для психоанализа позицию.

В начале тридцатых годов прошлого века *Louis Wender*, пробуя соединять различные типы групповых и индивидуальных бесед, пришёл к заключению, что и на индивидуальной терапии пациенты начинают говорить свободнее и приводят более конфликтный материал, если они одновременно ещё участвуют в терапевтической группе. Было и еще несколько психоаналитиков, экспериментировавших с группами в те годы. К ведущим представителям групповой терапии, прежде всего, необходимо отнести *S. H. Foulkes*, основателя Общества группового анализа и группо-терапевтической программы в госпитале Maudsley (Лондон). В 1940 Foulkes начал создавать метод психоаналитически ориентированной групповой терапии. Во время войны Foulkes применял новую технику в своей работе с британской армией. Опыт работы с солдатами он подытожил одной фразой: «*Скорее всего, групповая терапия является первым адекватным*

инструментом для практического овладения основной проблемой нашего времени – напряжённостью отношений между индивидом и обществом».

До самого последнего времени Foulkes постоянно развивал и изучал групповую терапию, ориентируясь при этом на классическую модель психоанализа, хотя групповая аналитическая ситуация, при работе с бессознательным в значении вроде бы Фрейда, приводит к полностью другой области, о которой личность оди-наково не подозревает. Широко также известны работы Байона (Bion W. R. 1961) по тавистокской модели групповой психотерапии, который также подчеркивал, что группа имеет свою собственную жизнь.

Подход аналитических групп описывает технику, которая открывает возможность для участников групп иметь доступ к бессознательным процессам в пределах группы и между группами. Групповые психоаналитики не способны лучше других иметь дело с повседневными конфликтами, но они обучены работать в пределах отчетливо выраженной групповой аналитической ситуации, которая открывает путь для понимания бессознательных конфликтов и общественного бессознательного группы. Идентификация себя с группой является процессом, развивающимся через взаимодействия, в которых взаимность признания становится основой взаимодействия по ходу общения. Индивидуальность же проявляется через отклонение из ожиданий и норм этих значимых коммуникабельных групп. Через аналитическое отношение проводящий группу может уберечь от регрессивной с точки зрения западных ценностей необходимости лидера для группы. В случае иерархического восприятия динамики группы, в которой создаются зависимость и власть, область для взаимного признания начинается с опасности, что идеальная свободно развивающаяся групповая взаимосвязь может выбрать два крайних пути: с одной стороны, автономность может стать произволом, а группа регрессирует в массу с идеализированным лидером, с другой стороны, индивидуальность может стать изоляцией.

« ...Глубокая причина, почему пациенты... могут усилить каждые нормальные реакции другого и снизить и корректировать

невротические реакции другого, – что коллективно они составляют саму норму, от которой индивидуально они отклоняются» (S. H. Foulkes, 1948: 29). Группы объединены вместе необходимостью для людей включенности. Для того чтобы сделать эту связь очень прочной, чтобы определять «Мы» от «Вне нас», в пределах группы все различия должны быть сначала отвергнуты. Другая возможность динамики группы – слияние со всемогущим лидером и его или ее идеологией. Индивидуальность отвергается. Принадлежность к значимой группе и признание группой сами обладают терапевтической силой, но очень скоро это становится сопротивлением и опасной динамикой в пределах и между группами. Расстройство потребностей зависимости вызывает очень мощные

эмоциональные реакции. Необходимость принадлежать унифицированной группе создает различия в пределах группового бессознательного, в так называемом общественном бессознательном группы. Через процесс свободы объединений в пределах группы, главным образом установленный ведущим, и через базовое правило, что каждое спонтанное высказывание должно быть рассмотрено, может быть запущен обмен другими видами опыта. Такой процесс дифференцирования идет вместе с болезненным и медленным процессом принятия отличий другого.

Процесс дифференцирования в пределах группы, таким образом, делает общественное бессознательное сознательным. Общественное бессознательное группы может быть понято как гавань

отрицания неоднородности в пределах группы. Процесс дифференцирования в рамках группы, через который общественное бессознательное, отвергающее разнородность в пределах группы, становится сознательным, дает иной взгляд на властные отношения в пределах и между группами.

Последние два десятилетия прошлого века отмечены возрастающим вниманием к бессознательному², понимаемому не в

² Идея неосознаваемого зародилась в древности. Некоторые философы, например Лейбниц и Шопенгауэр, еще до З. Фрейда разрабатывали идеи, предвещающие подсознательное. Можно вспомнить и о популярной в свое время трехтомной «Философии бессознательного» Эдуарда фон Гартмана, вышедшей в 1868 году и выдержавшей 12

первоначальной (хотя и среди неспециалистов сегодня наиболее известной) фрейдовской трактовке импульсивного, примитивного, иррационального и даже не по Юнгу, заметно ушедшему от рассмотрения только динамического, вытесненного из сознания. Широкая область неосознаваемого психического действительно требует изучения и все шире используется при общепсихологических исследованиях памяти, при изучении восприятия и т. п.

Оказалось также трудно описать социальные когниции людей без обращения к общественному (социальному) бессознательному, то есть и социальная психология оказалась перед необходимостью пересмотреть свои позиции по поводу чисто рациональных оснований социального поведения людей. Претензии психоанализа на единственно верное описание бессознательного стали тормозом для научного изучения последнего. Ряд существенных для понимания социального мира открытий, сделанных по ходу психотерапевтической практики в группах, оказался не использован ни для понимания всей психики, ни для понимания социальных явлений. Обнаруженные феномены группового бессознательного, групповой динамики оказались не только мало изучены, забыты вместе с прохождением моды на психоанализ, но и не привлечены для научного описания целостной природы человека.

В науке сложилось двойственное отношение к тому, что же в конце концов конструктивного дали долгие споры в начале XX века о природе бессознательного. Последователи психоанализа (и классической, и других школ), оказалось, почти никак не были заинтересованы в научной проверке положений своей дисциплины. Такие исследования все же некоторыми психоаналитиками

изданий и много переводов. Работы разных многочисленных предшественников Фрейда (Шарко, Жане в клинической работе, Гемгольц в работах о зрительном восприятии и многих других) привели к тому, что, вопреки распространяемому биографами Фрейда мифу о препятствиях и неприятности, его первые работы были встречены вполне благосклонно и, скорее, с пониманием, хотя и без ажиотажа. Однако, создавая новую парадигму для клиники «психоанализ», Фрейд и его ученики не только привлекли внимание узких специалистов – клиницистов, но и сделали широко популярными понятие «бессознательное» и еще ряд понятий, таких, к примеру, как роль *libido* (половое влечение), саморазрушительное желание смерти, знаменитый «комплекс Эдипа» (*Oedipus*) и т. п.

ведутся, но вызывают, скорее, недоумение и очень мало интереса как со стороны организаций, так и подавляющего большинства практикующих психоаналитиков. И это не удивительно, если учесть, что по ряду признаков школы психоанализа часто напоминают какой-либо культ. Тексты учителя (Фрейда, Адлера, Хорни, Юнга и т. д.) как священное писание являются последним аргументом в спорах. Они (опубликованные тексты) заранее содержат все что необходимо, при этом часть текстов хранится в архивах семей и никогда не печаталась, и к ним нет доступа (какой-то аналог апокрифов). Нередка полная нетерпимость к критике внутри школ и жесткая практика «отлучения» инакомыслящих, которые, создав свое направление, оказываются столь же нетерпимы к критике. Научная же психология считает выше своего достоинства вести проверку гипотез и фактов, изложенных не на языке науки.

С другой стороны, место, занимаемое неосознаваемыми процессами, в процессах памяти, внимания, эмоций столь велико, что множатся соответствующие экспериментальные работы (Kihlstrom 1999). Картина чисто рационального человека явно не полна.

Как в свое время МакКлеландом было введено понятие имплицитной мотивации (выявляемой им с помощью проективной методики), которая существует наряду с эксплицитной, так же были введены и в социальной психологии в последнее время понятия имплицитных аттитюдов, стереотипов и т. п. (Greenwald, A. G., Banaji, M. R. 1995).

В западной социальной психологии были очень долго популярны объяснения общественных явлений с точки зрения индивидуальных ментальных процессов, однако исследователи позднее обнаружили, что о существовании многих из этих чисто психических процессах индивиды оказываются не осведомлены. Были предприняты интенсивные научно-исследовательские программы изучения таких когнитивных посредников социального поведения, как аттитюды или стереотипы, роль социального в таких подходах принижается, и индивидуальность занимает главное место изучения в психологии. Такие исследования, можно сказать, подпитываются индивидуально центрированной идеологией и политикой при маскировке собственно общественных

процессов и структур. Парадигма имплицитного социального знания дает пример того, как характеристики общественного мира перекраиваются, чтобы быть проинтерпретированы как психологические события индивидуумов. Критическое рассмотрение этой парадигмы не только объясняет, как технически, риторически и теоретически такие программы это смещение проводят, но также оно показывает, что эмпирическое исследование действительно демонстрирует наличие общественного бессознательного.

С точки зрения массовых опросов соответствующее общественное бессознательное может проявиться там, где для всего супер-этноса не размыта мы-идентичность, где не приемлема дифференциация по культуре или отдельным позициям ожиданий, признаваемых проблем и т. д. Можно посмотреть, насколько приемлема общность истории, насколько сохранилась память о людях, готовых в свое время отдать жизнь за Родину, на благо всех. Важно и приятие если не всей, то некоего ядра русской культуры как своей, например, существенно место в иерархии распространенности «традиционалистских» ценностей в декларируемом выборе.

Мы уже писали (Смирнов 2003), что массовые опросы с 1993 по 2001 год включительно показывают, что, несмотря на наличие некоторых отличий выбора ценностей в разных слоях российского общества, скорее, следует говорить об относительной однородности структуры выбора базовых ценностей, а различия больше соответствуют легким трендам и тонким структурам, значимые отличия обнаруживаются только в отдельных случаях и только для молодых и пожилых. Еще меньше дифференциация при выборе контрценностей. Заметные отличия возникают при выборе ценностей «для себя» и «для страны». Они описаны в работе (2003). Более того, наибольшую распространенность при декларируемом выборе имеют ценности, названные нами «традиционалистскими», то есть способствующие воспроизведению сложившейся культуры. Готовность к преобразованиям – удел меньшинства. Атомизация общества, активно навязываемая в 90-е годы под лозунгами «больше свободы и демократии», должна размывать основу общественного

бессознательного, основу единства надежд и целей. Других же оснований для солидарности в изменившемся обществе не просматривается.

Данные всероссийских опросов 1993, 1995 и 1999 годов, имеющиеся в нашем распоряжении, ясно говорят в пользу амбивалентного отношения людей к государству. *С одной стороны*, люди зряче видят неудовлетворительность функционирования сложившихся форм конкретно существующих властных структур. Люди в массе чувствуют разобщенность с властью. Элита (особенно политическая и деловая) – скорее, чужие для населения люди. Они не верят в то, что власть что-то для них может сделать, и еще меньше, что хочет. Бюрократия не вызывает доверия. Власть видится 75 процентам населения коррумпированной и криминализованной. Причем опрос 93 года показывает, что люди вполне предвидели такое развитие событий и хотели бы тогда поддерживать тех политиков, которые смогли бы такое развитие предотвратить (им была бы обеспечена более чем 80-процентная поддержка). *С другой стороны*, никаких других средств, кроме сильного государства как средства выживания и исполнителя необходимых действий и властных полномочий для предотвращения криминализации, коррумпированности, оголтелости дикого рынка, для сохранения своей культуры и страны, которой хотелось бы гордиться людям, не видится, и по-прежнему, хотя по отдельным пунктам и можно говорить о некотором снижении доли приверженцев идеи необходимости сильного государства, 70–80 % она набирает. Отсюда и желание доверия к сильному лидеру при заметном недоверии к возглавляемой им власти.

Итак, следы работы общественного бессознательного можно обнаружить там, где почти нет дифференциации, например, согласно данным ФОМ, полученным в опросе начала 2004 года, все группы населения считают нужным (80–90 %) «патриотическое воспитание». Однако как только вопросы переходят к детализации о том, что понимать, как проводить, сразу становится видно отсутствие в общественном сознании единства позиций, то есть в отличие от бессознательного явная дифференциация групп и слоев, делающих реализацию всеми

принимаемой необходимости самого воспитания без политической воли элиты невозможной. Видимо, отсюда же упор на лозунги, умолчание деталей, отсутствие доказательного рассмотрения проблем при социальных практиках навязывания людям того или иного мнения или отношения и в предвыборной борьбе, и в рекламе товаров. И там и там задача не убедить, а сделать узнаваемым, «знакомым», не противоречащим принятому бессознательному.

В исследовании базовых ценностей есть также метод сбора данных, применение которого также позволяет выявить те из них, отношение к которым у людей мало дифференцировано, если не детализировать, каково содержательное наполнение, какое люди вкладывают в ту или иную словом выраженную ценность. Мы имеем в виду способ сбора данных о важности ценностей с использованием шкалы (например, от «совершенно не важна», до «очень важна»). В 1996 году, к примеру, была опрошена одна тысяча москвичей, которым среди других заданий предлагалось каждую из предложенного списка 37 ценностей оценить на шкале. И тут, в отсутствии навязанного выбора ограниченного числа ценностей, составляющих в чем-то целостный набор, мы реально получаем ре-зультат, который не любят социологи. Как и в упомянутом выше случае с отношением к необходимости «патриотического воспитания» детей, так и для некоторых ценностей заметная доля (более 80 %) людей, оценивая их важность для себя, выбрала альтернативу «очень важная». В таблице внизу представлены отсортированные по столбцу «очень важна» результаты того опроса.

Насколько важна для Вас эта ценность	Совсем не важна	Скорее не важна, чем важна	Не то, чтобы важна, и не то, чтобы нет	Скорее важна, чем не важна	Очень важна	Затрудняюсь ответить
1	2	3	4	5	6	7
Здоровье	0,5	0,1	1,5	6,6	90,8	0,4
Семья	1,3	0,3	2,1	6,6	89,1	0,5
Настоящая дружба	1,3	0,2	3,5	10,4	84,1	0,6

Безопасность	0,4	0,3	2,2	12,1	84	0,9
Мир	0,6	0,6	4,4	10,2	83,2	1
Дом	0,4	0,1	1,6	13,6	82,9	1,4
Порядочность	0,3	0,2	1,9	15,9	81,5	0,2
Справедливость	0,8	0,4	3	14,5	80,2	1
Любовь	2,2	0,4	3,4	12,7	80,1	1,1
Уважение к родителям	3,4	0,5	2,8	11,2	77,4	4,7
Милосердие	0,6	0,9	4,3	18,9	74,5	0,7
Надежда	1,3	0,3	5,9	18,6	72,7	1,3
Стабильность	1,4	1	5,7	21,5	67,6	2,8
Труд	3,4	1,2	7,6	21,2	66	0,6
Порядок	1,4	0,9	6,2	23,9	65,9	1,7
Свобода	1,7	1,5	8,3	22	65,3	1,3
Достаток	2,3	1,1	6	25,6	64,7	0,3
Законность	2,4	1,6	8,4	22,5	63,6	1,7
Профессионализм	5,1	2,3	7,7	23,3	59,8	1,8
Культура	1,4	1,5	6,7	32,5	57,1	0,9
Согласие	1,6	1,3	8,3	28,1	56,6	4
Частная жизнь	3	1,6	9,8	24,4	56,1	5,1
Равенство	3,9	2,9	12,4	21,9	55,8	3,1
Духовность	3,3	2,1	10	27,2	55	2,5
Достоинство	3,1	2	6	18	54,8	3,4

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
Процветание	3,4	1,9	6,9	28,6	54,5	4,7
Смысл жизни	2,5	1,9	10,7	25,5	51,9	7,5
Успех	6,8	2,6	11,4	29,8	46,7	2,6
Собственность	5,1	2,4	15	30,2	45,1	2,2
Веротерпимость	5,7	3,7	13,9	27,6	44,5	4,6
Держава	7,1	3,7	15,8	20,7	43,2	9,5
Прогресс	8,2	3,1	13,3	28,9	40,1	6,3
Созидание	7,6	4,6	15,1	23	37,7	12
Патриотизм	11,2	5,8	15,3	26,3	37,3	4,1
Новизна	7,7	6,2	22	26,6	31,4	6,1
Демократия	17,5	5,1	20,6	22,9	27,9	6
Могущество	29,3	7,1	19,9	17	17,6	9,1

Итак, мы видим, что при таком задании – оценить каждую ценность из достаточно полного списка отдельно на шкале – имеется важная особенность, а именно: наблюдается ряд мало дифференцирующих людей ценностей. При этом для нас оказалось примечательно то, что в своей совокупности (первые десять в вышеприведенной таблице) они представляют весь спектр из девяти блоков, которые были выявлены нами при рассмотрении неосознаваемых оснований классификации ценностей. Заметим при этом, что ценность «дом», как было согласно нашим данным неоднократно показано, семантически очень близка ценности «семья», и поэтому в последнее время мы включали в список только одно слово «семья», как имеющее более широкие семантические поля.

Если сравнивать эти ценности по принадлежности к двум блокам, выявляемым в декларируемых ценностях, то кроме «безопасность» все относятся к «традиционалистским» ценностям. Напомним, что ценность «безопасность» у нас нередко служила связующим звеном между «традиционалистским» и «модернистским» кластерами, иными словами, ее следует отнести и туда и туда. Ценности допустимой модернизации вызывают больше разногласий о том, стоит ли их относить к очень важным или достаточно сказать, что они скорее важны, чем не важны. Отрицающих их важность или сомневающихся в их важности, за редким исключением, практически нет.

Относительно дифференцирующими при таком задании оказались ценности «патриотизм», «новизна», «демократия», «могущество». Однако напомним, что это 1996 год и выборка москвичей, чье мнение нередко не совпадает с общероссийскими ответами при массовых опросах.

Литература

Кульпин, Э. С. 2003. Эволюция ментальности российского общества. В: *Природа и ментальность* (9–25). М.

Смирнов, Л. М. 2003. Базовые ценности и «антиценности» современных россиян. В: *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы* (16–26, 315–341). М.: Дом интеллектуальной книги.

Bierer, J. 1942. Group psychotherapy. Brit. Med.

Bion, W. 1961. *Experiences in Groups and Other Papers*. London: Tavistock.

Bornstein, R. F., Pittman, T. S. (ed.) 1992. *Perception without awareness*. New York: Guilford.

Burrow, T. 1926. The group method of analysis. *Psychoanal Rev.*

Foulkes, S. H.

1946. On group psychoanalysis. *Int. J. Psychoanalysis*.

1964. *Therapeutic group analysis*. NY.

Foulkes, S. H., Anthony, E. J. 1957. *Group psychotherapy: the psychoanalytic approach*. Baltimore,

Greenwald, A. G., Banaji, M. R. 1995. Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes. *Psychological Review* 102: 4–27.

Hopper, E. 2000. From objects and subjects to citizens: group analysis and the study of maturity. *Group Analysis* 33 (1): 29–34.

Kihlstrom, J. F.

1996. Perception without awareness of what is perceived, learning without awareness of what is learned. In Velmans, M. (ed.), *The science of consciousness: Psychological, neuropsychological, and clinical reviews* (23–46). London: Routledge.

1999. The psychological unconscious. In Pervin, L. R., John, O. (eds.), *Handbook of personality* (424–442). New York: Guilford.

Wender, L. 1936. The dynamics of group psychotherapy and its application. In J. Nerv. Ment. Dis., Schilder P. *The analysis of ideologies as a psychotherapeutic method, especially in group treatment*. Amer. J. Psychiatry.